

ТОГДА

Словарь дает слову «тогда» определение: «в то время, не теперь», приводя в качестве примера — «тогда он был молод». Не стану утверждать, что когда я был молод, все было лучше, скажу только, что тогда было лучше только потому, что я и не думал ни о каком «тогда» — его просто не существовало.

В 1972 году, догоняя самого себя, давно прибывшего на Запад и нетерпеливо ожидавшегося там своего телесного двойника, я оказался в Амстердаме и с тех пор живу в городе, имеющем репутацию самого свободного в мире.

Известно, что «тот, кто едет за море — меняет небо, не душу», но Сосонко, которого я вывез из Советского Союза, похож на своего тезку Sosonko разве что тремя спасательными кругами буквы «о».

Сегодня мне легче понять старую слониху, чем молодого себя самого, и я больше похож на всех людей, которым сильно за шестьдесят, чем на Гену Сосонко, жившего в Ленинграде. Но притаившись во мне, он нет-нет да и выскочит в самых неожиданных ситуациях, и я давно смирился с тем, что вынужден иметь дело с обоими, живущими в одной шкуре.

Генрих Бёлль утверждал, что чем дальше письменный стол находится от отечества, тем лучше для писателя. От страны, которую я покинул, мой письменный стол, на котором тогда стояли шахматы, находился на расстоянии многих световых лет. Несомненно, это пошло на пользу обоим моим занятиям, и я никогда не забываю, что значила эмиграция в моей жизни. Перефразируя известного писателя, скажу, что знаю больше, чем могу выразить словами, а то небольшое, что мне удалось выразить, не было бы выражено, если бы я в начале семидесятых годов не оказался на Западе.

В течение собственной шахматной карьеры я не столь состязался с другими, сколь боролся с самим собой. Оставив практическую игру, я занялся составлением комментариев к первой половине жизни, тем

более что материала накопилось немало: живя в Советском Союзе, а потом колеся по странам и континентам, я бессознательно заготавливал пищу для жадной памяти, превращавшей события в воспоминания о них. В конечном итоге мне удалось перехитрить судьбу: под маской шахматиста я всегда оставался рассказчиком.

Кто-то писал, что можно сочинять стихи о любви, не будучи влюбленным. Рассказывать о сельском хозяйстве и самому никогда не ходить за плугом. Не знаю, можно ли писать о шахматах, совершенно не умея в них играть, но уверен: судьбы людей этого своеобразного мира не менее интересны, чем представителей других профессий. Сознавая жестокую быстротечность жизни и зная, как коротка человеческая память, я решил спасти этих людей, предоставив им страницы книги, которую вы держите в руках.

Странная компания собралась под ее обложкой: чемпионы мира и претенденты; знаменитый гроссмейстер, родившийся в России, живший в Австро-Венгрии, воевавший на стороне Германии в Первую мировую войну, а во время Второй сражавшийся против нее; «бетонный король», встречавшийся с Фишером и сумевший в маленьком голландском местечке создать команду, за которую играли только гроссмейстеры. Известный международный мастер, потерявший обе ноги во время Второй мировой войны и живущий сейчас в стране, сделавшей его инвалидом. Выигрывавший матчи у гроссмейстеров голландский врач, которого принимали короли и премьер-министры и сам едва не ставший во главе независимого государства. Международный мастер из Якутска, убитый за то, что, живя в Москве, имел иной разрез глаз, чем у большинства жителей столицы — трудно представить более разных людей. Но всех их объединяло одно — беззаветная любовь к шахматам.

Известные чемпионы, не разговаривавшие и даже не здоровавшиеся друг с другом, долго и с азартом разбирали сыгранную партию, чтобы после анализа снова перейти к привычным для них отношениям «холодной войны». Кроме того, что честный и чистый мир деревянных фигур был выше их размолвок и ссор, я не могу найти этому другого объяснения.

Читая о великих шахматистах, которых мне посчастливилось знать близко, я нередко ловил себя на мысли, что их жизнеописания больше похожи на жития. Не оттого ли возникало желание развеять расхожие представления, соскрести покрывающий их хрестоматийный глянец. Не задаваясь целью демистификации их образов, я хотел показать выдающихся мастеров игры в человеческом, каждодневном. И не по-

тому, что хотел взять на себя функции глянцевого издания, а только чтобы приблизить к нам этих необычных людей. Показать их заботы, цели, личные отношения, хитрости, заблуждения и маневры в жизни, порой не менее интересные чем в их партиях. Рассказать, как они могли быть добродушны, эгоцентричны, щедры, деспотичны, капризны, ревновать к чужой славе, вступать в досадные конфликты друг с другом. Показать, что они такие же люди, как мы с вами, но отмеченные редким талантом, божьим знаком.

Чем быстрее отдаляется от нас двадцатый век, тем гуще разрастается трава забвения. Скоро под нею скроется и мир шахмат, который я знал. В бурных событиях ушедшего столетия потерялись хранившиеся в специальном мешочке атрибуты, делавшие мужчиной умершего недавно в глубокой старости последнего внука китайского императора. Эта потеря препятствовала ему возродиться после реинкарнации в человеческом облике: свидетельства того, что он был рожден именно мужчиной, должны были быть похоронены вместе с ним. «Ничего, — сказал внук, не унывая о пропаже, — тогда я возвращусь собакой или котом». Было бы обидно, если бы шахматы их золотого периода потерялись как тот мешочек, даже если они возродятся потом в новом обличье: игры с известным конечным результатом.

Шахматы — это жизнь. Шахматы — это борьба. Шахматы — это ментальный бокс. Шахматы — это океан, из которого комар может пить и в котором слон может купаться. Про шахматы можно было сказать все что угодно, и все было правдой. Так было до появления компьютера.

Подвергнутые чистке, партии выдающихся шахматистов прошлого, как это случалось с коммунистами в Советском Союзе в двадцатых-тридцатых годах, тоже не прошли бы контроля на безгрешность. На нелюбезную критику у шахматистов, увы, не нашлось бы аргументов, и письма в высшие инстанции не помогли бы: компьютер просто ознакомил бы жалобщиков с беспощадными фактами.

Шахматы XXI века настолько изменились, что мы не должны приговариваться, что это та же игра, в которую играли Стейниц и Капабланка, что Каисса все еще живет на небесах, а гроссмейстеры — ее полномочные представители на Земле. Лишенные сентиментов, затянутые в жесткий компьютерный корсет, шахматы начала двадцать первого века отличаются от докомпьютерных шахмат, как машинное шитье отличается от рукоделья.

Будущее шахмат уже наступило, и все, что ожидает нас, станет только коррекцией этого будущего. Завтрашний день перестал быть миром чудес: для этого у нас есть сегодняшний. В шахматах остается все меньше неизвестного. Когда-нибудь неизвестного не будет вовсе, это время не за горами. Может быть, слово «шахматы» будет напечатано в словарях будущего с пометкой в скобках (арх.) или (устар.),

Конечно, ничто в мире не исчезает бесследно, но много ли мы знаем о знаменитых музыкантах, игравших на чрезвычайно популярной когда-то людне? Да и сам инструмент можно встретить разве что в музее, как и клавиесин, полностью вытесненный фортепиано. Когда компьютер разгадает последнюю тайну, потеряют ли шахматы свою красоту? А может быть, шахматы «с человеческим лицом» вообще исчезнут? Не думаю. Ведь радуга не стала менее прекрасной от того, что мы узнали законы преломления света, согласно которым она возникает.

«Нет ничего скучнее на этом свете, чем читать описание итальянского путешествия, — заметил однажды Гейне. — Разве только описывать такое путешествие. Автор может сделать свой труд до некоторой степени сносным, говоря как можно меньше о самой Италии». Во всех своих рассказах я старался как можно меньше говорить о самих шахматах.

В рецензии американского критика на одну из моих книг, вышедших в шахматном издательстве, можно было прочесть: «О чем хотел сказать автор? Это шахматная книга? Что это?» Не нашедший в тексте ни одной диаграммы рецензент попал в точку. В этой книге тоже нет рассуждений о слабых полях, преимуществе слона над конем в открытой позиции или о тонкостях защиты Каро-Канн. Шахматы в ней являются просто предлогом, чтобы рассказать о жизни, всегда оказывающейся сложнее самых изощренных сюжетов, тем более жизни фантазмагорических времен Советского Союза. Вспоминая эпоху, давшую великих чемпионов, приходилось порой разгребать мусор времени, чтобы обнаружить под ним многоликого сфинкса советских шахмат.

Рассматривая ту эпоху не в перспективе короткой человеческой жизни, но исторического опыта, приходишь к выводу, что та действительность, несмотря на весь ее трагизм и уродливые отношения, была значительно интереснее, чем скучные материально-накопительские сегодняшние времена. Что ж, здесь нет ничего нового: интересные личности чаще всего рождает репрессивное время ограничений, запретов и наказаний. Но жизнь всегда трудная штука, всегда и во все времена.

И может быть, когда есть свобода выбора, именно из-за этой свободы еще более трудная.

Так и в шахматах. Казалось бы, появление компьютера значительно облегчило жизнь шахматиста. На деле же — существенно усложнилось: значение кабинетной подготовки возросло невероятно, и шахматы на высоком уровне требуют многочасовых занятий, исключающих другие. Понятно, что при таком режиме не может быть и речи о получении профессии, и среди лучших шахматистов сегодняшнего дня не сыскать врачей, психологов, математиков, музыкантов, философов или ученых, как это было в прошлом веке.

Михаил Моисеевич Ботвинник в годы восхождения Фишера не раз говорил, что американцу не бывать чемпионом мира, потому что он не кончил школы и ему не хватит интеллекта. Жизнь показала, что Ботвинник был неправ. Мне думается, что именно наличие интеллекта (или того, что Ботвинник понимал под этим) препятствует достижению высоких вершин в современных шахматах. Для развития многогранной личности требуется в первую очередь время, необходимое для совершенствования в игре.

Процесс обучения шахматам резко ускорился. В соревновании в датах рождения детей, становящихся гроссмейстерами, счет идет на дни. Двенадцатилетние секундируют девятнадцатилетним, а те играют матчи на мировое первенство. Девочки с бантиками побеждают маститых гроссмейстеров. Наше время создано для молодых, и молодость правит бал не только в жизни, но и в шахматах. Серьезная Каисса, совсем недавно предпочитавшая зрелых, а то и пожилых, оказалась на редкость легкомысленной и еще больше, чем другие музы, оказывает предпочтение молодым и напористым.

Люди разбили время на часовые зоны; попадая в другую, мы переводим стрелки часов. Я попытался перевести стрелки не только в другое временное измерение, но в другую эпоху. Хотел дать возможность говорить Времени, начинающему жить, когда замолкают колокола привычного времени, в которое мы погружены суетой каждого дня.

Покинув свой остров, последние годы жизни Робинзон Крузо провел в пансионе в Бристоле. Его попугай умер, превратившись в чучело, стоявшее на камине его комнаты, а состарившийся Робинзон каждый день приходил к морю и тоскливо вглядывался вдаль.

Вглядываясь в даль шахматного прошлого, я хотел рассказать не только о характерах и судьбах людей, но и увидеть то, что они сами не

замечали за собой, задуматься, какой отпечаток на них нанесло время, показать шахматы как культурный феномен. Очистить память от забвения, под которым похоронено когда-то живое, а теперь увядшее прошлое. Дать объяснение событиям и фактам неведомого для молодых мира. Запасться прошлым для их будущего.

«Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...» — пел бард. Легко сказать! Как же не печалиться, когда осталось столько произнесенных слов, обиженных людей, неверных решений, несовершенных поступков. Совершенных поступков. И исправить ничего нельзя и никогда уже будет нельзя.

Былое, конечно, нельзя воротить, но только о былом можно с уверенностью сказать: оно будет длиться вечно, будущему это еще предстоит. Повернуться спиной к прошлому, бесчувственно пожать плечами, сказав: сделанного не вернешь, все было и быльем поросло — на самом деле означает расстаться с тем, что создает вдохновение, делает человека человеком.

Латинское выражение — «книги имеют свою судьбу» — имеет продолжение: «книги имеют свою судьбу, зависящую от того, как их понимает читатель». Пренебрегая заветом классика, настаивавшего, что автор пишет в первую очередь для самого себя, в процессе писания я не забывал о моем читателе. Только ли это человек, играющий в шахматы? Или когда-то игравший? Какого он возраста? События, в сознании молодых относящиеся к далекому прошлому — к «тогда», для моих читателей происходили еще в «наше время». И дело даже не в том, что они лично помнят то время — эти события вошли составной частью в их собственную культуру и ментальность.

В шахматах есть люди, увлекавшиеся игрой в детстве или юности, а теперь только эпизодически играющие партию-другую под настроение с подходящим партнером. Или в ночной тишине, когда домашние уже спят, выходящие в шахматную паутину Интернета. Это мои читатели: у них нет времени следить за новинками в дебюте, а в шахматных журналах они предпочитают комментарии к партиям, рассказы о турнирах и о старых временах.

В годы моей юности на некоторые фильмы дети до шестнадцати лет не допускались, и я до сих пор помню грозный взгляд билетерши, направленный на старающегося расправить плечи семиклассника. То время было не только временем запретов, но и всяческих инструкций и рекомендаций, и в книгах можно было прочесть: «для среднего и

старшего школьного возраста». Не думаю, что моя книга для этой категории читателей. И не потому, что на некоторых страницах ее встречаются лихие словечки; молодые употребляют сегодня выражения, взрослым людям не снящиеся. Просто в ней идет речь о вещах, которые юные не могут понять по определению: они просто никогда не задумывались над этими проблемами. Прошлое редко выходит у них за пределы турниров последних лет, и в это специфическое прошлое они отправляются только по практической нужде: посмотреть партии, не забираясь в далекое «тогда».

Что ж, известно ведь: юность мало что смыслит в юности, это дано только старости. Поэтому рекомендация «для зрелого и пожилого возраста» была бы для книги более уместна. Читатель такого возраста обычно не любит новшеств: новое чтение должно быть похожим на знакомое, читанное ранее.

Когда был опубликован очередной сборник рассказов Сомерсета Моэма, «Таймс» поместил рецензию на книгу под заголовком «По тому же рецепту». «Смысл в эти слова был вложен, разумеется, уничижительный, — заметил Моэм, — но я не увидел в них ничего дурного. Более того, я позволил себе смелость воспользоваться ими для сборника, который сейчас предлагаю публике».

Сначала, не мудрствуя лукаво, я подумывал дать книге моэмовское название. Поразмыслив, назвал ее по-другому, надеясь, что читатели не будут разочарованы, увидев, что моя новая книга написана «по тому же рецепту».

В японской литературе одна из основных жанровых форм — роман от первого лица, автобиографическое повествование, содержащее выдуманные эпизоды. Моя книга не роман — в ней ничего не выдумано. Но при том — выдумано все. Я ведь старался проникнуть в психологию людей, понять мотивы их поступков и намерений, а говорить о личности другого — задача безнадежная. Человек ведь всегда загадка и тайна: своя душа — потемки, что же заглядывать в бездну чужой.

Известный филолог XX века, посвятивший немало лет изучению жизни великого поэта, сказал однажды: «А что мне Пушкин... Я, может быть, знал его лучше, чем он знал себя сам». Подолгу размышляя о судьбах героев книги, я не забывал об этих словах.

Помня, что попытки найти «последнюю правду» заранее обречены на неудачу, и не желая быть судьей героям книги, порой я давал слово им самим, предоставляя вынести приговор читателю. Нередко я пытался скрыться за звонкими именами, другими словами, перекладывал

бремя ответственности на авторитеты. Не уверен, следовало ли это делать, но пробежав глазами написанное, решил: «ежи писах — писах».

В ряде случаев я считал своим долгом восстановить пропорции, в наше время часто утрачиваемые даже в такой области, как шахматы, где, казалось бы, имеются неопровержимые свидетельства: тексты партий и турнирные таблицы.

В других рассказах по очевидным причинам (или кажущимся очевидными мне) я не мог сказать всего, и когда перечел их, возникло чувство: осталось еще что-то не написанное и оно-то есть самое важное. Но «соблазну продолжения есть великий противовес: не все сказать. Не договорить. Вовремя опустить занавес».

Знаменитый футбольный тренер говорил своим подопечным: «Завтра я могу утверждать совершенно противоположное тому, что говорил вчера. Может быть. Но в обоих случаях я поступаю искренно».

С некоторыми персонажами вы уже встречались в моих предыдущих книгах. Обогащенный новыми фактами, я рассматриваю их под другим углом, но главное — с другой временной дистанции. Не удивляйтесь поэтому, заметив в моих рассказах разночтения, а то и прямо противоположные вещи: изменилось время, изменился и рассказчик. Но во всех случаях я старался говорить искренно.

Некоторые истории мне советовали не писать вообще. Хотя кое-что в моих повествованиях, как в формуле американского правосудия, может быть использовано против меня, я пренебрег этими советами. Но даже если я и не всегда говорил полной правды, я нигде не написал того, что не думаю.

Всю жизнь я играл в шахматы или писал о них. Казалось бы, человек пишущий и играющий занят одним делом: писатель идет от мысли к слову, шахматист — от мысли к ходу. Но есть и разница. В шахматах сделанный ход нельзя взять назад: ошибка часто оказывается непоправимой. В то время как переписывая (или нажимая на кнопки клавиатуры), можно менять текст до бесконечности.

Еще больше разница между пишущим и читающим: если писатель идет от мысли к слову, читатель — от слова к мысли. Делясь с вами мыслями о людях замечательной игры, хочу верить, что эти мысли тоже приходили вам в голову, но у вас просто не нашлось времени высказать их или записать. Теперь вы их прочитаете.

август 2010 Амстердам